

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО

Сообщение Н. Белавина

Эпистолярное наследие Помяловского так невелико, что каждое найденное письмо вносит новые и притом весьма существенные факты в его мало изученную биографию и литературную деятельность. За годы революции нам известны две такие публикации. Первая — письма к М. М. и Ф. М. Достоевским (в сборнике „Из архива Достоевского“, М., 1923), очень интересные для характеристики его сотрудничества во „Времени“ и разрыва с ним, когда журнал этот во второй половине 1862 г. резко повернул вправо. Вторая — в № 5 „Нового мира“ за 1927 г., где В. В. Гиппиус напечатал письмо Помяловского к А. Н. Пыпину и несколько писем к нему, из них два — того же Пыпина. Переписка с Пыпиным, связанная с сотрудничеством в „Современнике“, относится к последним месяцам жизни Помяловского и представляет несомненный интерес для исследователей революционно-демократической литературы 60-х годов. Она ярко рисует невыносимо тяжелое материальное положение писателя, цензурный гнет, заставлявший его нередко с омерзением думать о литературном труде, дает некоторый материал для характеристики отношений Помяловского с редакцией „Современника“ в 1863 г., т. е. после ареста Чернышевского, отношений, которые были повидимому не лишены подчас некоторых шероховатостей. Переписка связана с одним из посещений Пыпина Помяловским, когда он принес Пыпину письмо с просьбою о деньгах (в счет платы за обещанные „Современнику“ литературные произведения), „ответа на которое ожидал у подъезда“. Письмо это не было до сих пор известно и фигурирует в комментариях В. В. Гиппиуса как „не дошедшее“ до нас. Между тем оно сохранилось в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук (ныне передано в Институт русской литературы) и, поскольку представляет большой интерес как само по себе, так и в связи с опубликованной В. В. Гиппиусом перепиской, мы считаем необходимым его напечатать. Вот его текст:

„Между нами“.

Добрейший Александр Николаевич!

Приходится сознаться, что я нагнул своими к Вам письмами, тем более, что Вы человек больной, и я встревожил Вас своею ерундою. Но что же делать? На сумасшедших не должно сердиться. Дело в том, что я долго пил и много пил, дошел почти до пятой в своей жизни белой горячки. Вы должны знать, что при делириуме трементальном состоянии¹, при сильном развитии чувствительности кожи, постоянных приливах крови к голове алкоголисту все представляется в мрачном цвете, и, кроме того, алкоголист начинает сильно глупить. Образчиком глупостей алкоголизма могут служить мои к Вам последние два письма. Повторяю: страшно пил,— и говорить, так договаривать. Только моя, как и Боткин говорит, крепкая натура могла вынести то непомерное пьянство, которое совершилось со мною в последние два месяца. Я постоянно пил, а за неделю тому назад, в продолжение двух суток,

с тремя пьяницами, как и я, распил: две бутылки джину, бутылку хересу, ведро водки и еще полуштоф. Ошалела магдалина... При хроническом алкоголизме, повторяю, алкоголисту все представляется в мрачном свете и вверх ногами. Так случилось и со мною. В пятницу, будучи в редакции, я вообразил, что и Вы, и Салтыков, и Антонович, и Головачев — все смотрели на меня с глубочайшим презрением и отвращением... Мне бросился в голову вопрос: „вру я, что ли?“ И действительно, говоря о [Сусло]вой², я не отступил от правды ни на пол-ногтя. Под влиянием алкоголизма мне тошно стало. Я пошел из редакции и жестоко напился. На основании этих данных и объясняйте сумасшествие моего последнего к Вам письма.

Романа я не сжег и не разорвал — домашние не позволили...

Пишу это письмо хоть и отравленный алкоголем, но в полном сознании и рассудке. Студенты, добрый народ (студенты м[едицинской] академии), сказали мне: „вы должны работать... мы не дадим вам ни одной рюмки водки: будем чередоваться при вас — и относительно водки вы лишены прав своей воли. Станете противоречить — мы стащим вас к Болинскому (психиатру м[едицинской] академии)“.

Я понять не могу, где причина моего пьянства. Правда, была причина, пять лет тому зародившаяся, да она теперь не существует — как-то выдохлась. Я изучал свое пьянство, а знаю весь процесс его развития, все мельчайшие признаки и подробности этого гадкого дела, но — остановиться трудно, трудно, трудно: с лучшими докторами советовался и ничего поделаться не мог. Говорят, что от запоя есть еще средства, а от пьянства нет их. Что мне делать? Что предпринять? Если бы можно было оправдаться тем, что — пьян по наследству, зачат пьяным отцом, то еще можно было бы чем-нибудь извиниться, но мой отец был трезвый человек, мать — тоже. Если бы не скверный мой порок, я и работал бы много и доволен был бы собой. Но теперь разведает душу проклятая кокоревщина³... не презирайте меня. Я болен.

Но, несмотря на болезнь, исполню свои обязательства к „Современнику“.

При встрече с Вами, не напоминайте мне о моих письмах, потому что лежачего не бьют.

Вполне преданный вам Помяловский.

1863 г.

Сентябрь 16.

На обороте приписано:

„Между нами“.

Александр Николаевич!

Некрасов говорил Благовещенскому, что достаточно от меня 10 п. листов, чтобы покрыть мой долг „Современнику“ (мне кажется, что это очень роскошно). Я Вам, в продолжение этих двух месяцев, дам 17 листов, но под условием: если Вы дадите мне теперь, в самый скорый срок, помимо месячной платы в 75 р., — 150 р. с., чрез это избавите меня от многих забот, мешающих спокойно сидеть дома и заниматься делом. Чем скорее выхлопчете нужную мне сумму денег, тем скорее сделаете доброе дело. Просить лично. Вас я посовестился. Но деньги до того необходимы, что я, несмотря на обещание — поставить для „Современника“ две статьи, не сделаю этого, если не будут у меня деньги, нужные мне, по необходимости, потому что должен буду потратить время для добывания их на стороне, а на стороне добыть их очень мало шансов, а потому очень много хлопот. Будьте так добры,

ответьте „да“ или „нет“. В случае отказа с Вашей стороны на мое письмо, я надеюсь, что Вы, разорвав его, никому не сообщите его содержание.

Вполне преданный Вам Н. Помяловский.

Р. S. Хорошо если бы хоть часть нужной мне суммы Вы выслали бы теперь же с кем-нибудь из своей прислуги. Во всяком случае, ответьте что-нибудь. Я не знаю, что и делать мне. — Я ожидаю ответа у Вашего подъезда. Сами не ходите, потому что мне будет неловко. Вышлите деньги либо ответ с прислугой.

Письмо производит прямо-таки ошеломляющее впечатление.

Помяловский является одним из самых талантливых писателей радикальной мелкой буржуазии 60-х годов. Оставленное им литературное наследие представляет большую художественную ценность, а в идеологическом отношении обнаруживает в нем типичного „шестидесятника“. Это видно не только по таким характерным для 60-х годов произведениям, как „Молотов“ и „Мещанское счастье“, но и по „Очеркам бурсы“, особенно в их первоначальной редакции. Полного текста этого произведения мы к сожалению не имеем, но в архиве Института русской литературы Академии Наук СССР сохранилась (с пропуском нескольких страниц) рукопись четвертого очерка „Бегуны и спасенные бурсы“, который был повидимому совершенно изуродован цензурой и представляет исключительную идеологическую ценность: тут и материализм, и атеизм, и разумный эгоизм (утилитаризм), столь характерные для мировоззрения людей 60-х годов⁴. Очень интересен замысел начатого Помяловским романа „Брат и сестра“; дошедшие до нас наброски и отрывки свидетельствуют о том, что он хотел показать жизненный путь молодого человека, приехавшего в столицу и постепенно опускающегося на дно, изображение которого и было повидимому в центре внимания автора. Откуда же предполагал Помяловский почерпнуть материал из жизни столичного люмпен-пролетариата? Он стал пропадать по целым неделям в трущобах Сенной площади, а так как еще со времен бурсы у него осталась привычка к водке, то, вращаясь среди населения трущоб, он все более и более поддавался этой слабости, пока наконец не дошел до такого состояния, что уже без медицинской помощи не мог излечиться. В водке он искал и забвения от разочарования и апатии, которые охватили его в связи с реакцией, отчетливо обозначившейся в 1862 г.: воскресные школы, которыми он так увлекался, были закрыты, „Современник“ временно запрещен, Чернышевский арестован и т. д.⁵ С другой стороны, он неоднократно намекал близким ему лицам на какую-то несчастную любовь, оставившую в нем глубокую сердечную рану. Повидимому это же имеет он в виду и в публикуемом нами письме, когда говорит, что была причина его пьянства, „пять лет тому зародившаяся, да она теперь не существует, как-то выдохлась“.

Сознавая, что он все больше и больше делается рабом страсти, ведущей его к гибели, в то время как у него зрели прекрасные творческие замыслы, Помяловский в неоконченном романе „Брат и сестра“, давая картину физического и морального падения спившегося человека, с горечью восклицает: „О, препоганая мать-природа, зачем ты создала мать-сивуху?.. Великий русский народ, расшиби ты поганую посуду с поганой сивухой, наплюй в окна кабаков и в рожи их производителей... Но чую, чую взбешенной душой, что это все напрасно написано... Значит, так тому и быть, на роду, что ль, нам написано это?.. Проклятая жизнь и проклятая ты, природа!..“

Этот вопль погибающего человека становится особенно понятен, когда прочитаешь письмо Помяловского к Пышину, которое и писано-то, по собственному признанию автора, в состоянии отравления алкоголем. Говоря о неимоверном количестве выпитого, он сообщает, что „дошел почти до пятой в своей жизни белой горячки“, и с безнадежным отчаянием спрашивает: „Что мне делать? Что предпринять?“ Не одного из писателей 60-х годов водка преждевременно свела в могилу, но едва ли у кого из них взгляд на свою страсть как на неизлечимую болезнь доходил до того трагизма, какой выражен в публикуемом нами письме.

Письмо датировано 16 сентября 1863 г., а через 19 дней после этого Помяловский умер. В сентябре 1863 г., излечившись от приступов белой горячки, он увлекся писанием „Порочая“ и замыслом нового романа „Гражданский брак“; в этом романе Помяловский хотел сатирически изобразить людей, искажающих близкие ему революционные идеи 60-х годов, в частности взгляды на женщину и брак, видевших в них лишь очередную моду, и вместе с тем защитить молодое поколение от несправедливых нападков. Он решил „работать, работать“. Но внезапно у него на ноге обнаружилась опухоль, цыркульник неумело поставил пиявки, и 5 октября 1863 г. Помяловский, отвезенный в клинику, умер от заражения крови на 29-м году жизни, в расцвете таланта, полный интереснейших творческих замыслов.

Из опубликованной В. В. Гиппиусом переписки Помяловского с Пыпиным мы знаем, что последний, не имея нужной Помяловскому суммы, обещал попросить у Панаева и уведомить его о результате. После этого Помяловский опять пишет Пыпину о безвыходности своего положения, просит хлопотать о деньгах у Некрасова, обязуется представить редакции „Современника“ „Каникулы“ (другое название „Гражданского брака“), отказывается дать „Очерки бурсы“, тем более, что редакция, как ему кажется, не желает их помещать, относительно же романа „Брат и сестра“ заявляет, что разорвет „все тетради“ так как ему „опротивела цензурная литература“ и он хочет „дела, а не сипондрия“, если же дела не будет, то станет пить „мертвым поем“. Пыпин в следующем своем письме выражает удивление по тому поводу, что Помяловский „ожидал у подвезда“, извиняется, что не разглядел его, когда он вошел, опять подтверждает, что у него действительно не было денег, видит недоразумение в словах Помяловского о нежелании редакции „Современника“ печатать „Очерки бурсы“, оправдывается в отрицательном отношении редакции „Современника“ к идее „Каникул“ и в конце письма убеждает Помяловского не бросать литературной деятельности.

Таким образом из рассмотрения содержания всей переписки повидимому с несомненностью следует, что опубликованное нами письмо является, так сказать, исходным пунктом и должно быть поставлено первым. Но, с другой стороны, в напечатанном В. В. Гиппиусом письме Помяловский говорит о намерении сжечь или разорвать начатый роман, а здесь сообщает, что не сжег и не разорвал его; из этого как будто следует, что публикуемое нами письмо было написано после того. Но вероятно к мысли разорвать роман и прекратить литературную деятельность Помяловский обращался неоднократно, о чем мог писать Пыпину и раньше, например в тех упоминаемых им, но не дошедших до нас письмах, в которых он по собственному его выражению „нагнул“.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Делириум тременс — белая горячка.

² Кокорев, Василий Александрович (1817—1889) — откупщик, наживший на спаивании народа многомиллионное состояние.

³ Сулова, Надежда Прокофьевна (1843—1918) — первая в России женщина-врач, во время вольнослушательница петербургского университета.

⁴ По этому вопросу см. нашу заметку: „К вопросу об идеологическом значении „Очерков бурсы“ Помяловского“ в № 9—10 „Звезды“ за 1930 г. Полный текст „Бегунов и спасенных бурсы“ опубликован И. Ямпольским в сборнике „Шестидесятники“ (М., 1933).

⁵ См. М. Борисов: „Без живого дела“ („Наша Заря“ 1913, № 9).